

Леонид Млечин — многостаночник канала ТВ-Центр или Центрального ТВ, как теперь принято говорить. Причем все его программы абсолютно разные. «Поздний ужин» — что-то вроде детектив-шоу. «Особая папка» — исторические архивные видеоматериалы советского периода. А теперь он еще дебютировал в новостных «Событиях». У него есть пять минут, чтобы выдать свой ироничный комментарий к «событию дня».

ЛЕОНИД МЛЕЧИН: ЖУТЬ КАКАЯ-ТО!

— Мы слишком серьезно воспринимаем политиков, а они того не стоят. Я пытаюсь чуть-чуть изменить угол зрения и доказать, что они не такие прекрасные, какими себе кажутся. Политик что-то говорит увесистым тоном, диктор все это воспроизводит, и зритель думает, что за надуванием щек что-то есть. Это чушь собачья.

— Но вы не будете так говорить про людей, которые входят в «Отечество — Вся Россия»?

— Это ключевой вопрос. Телеканал имеет право на собственный интерес, и штатные сотрудники должны его разделять. С другой стороны, мы с вами знаем, что попадание в те же «Куклы» украшает человека. Но не все наши политики — персонажи «Кукол» — обладают достаточным чувством юмора, чтобы это понять.

— Вашу программу «Поздний ужин» многие принимают за чистую монету. Неужели вы все это придумываете?

— Да. Каждую неделю пишу по рассказу и получаю от этого удовольствие. Многие из этих историй оказываются мистическими — полное ощущение, что это происходило на самом деле. У меня был сюжет про медсестру, которая ночью в больнице не могла заснуть, потому что каждый раз в одно и то же время слышала какие-то шаги. И когда к ней ворвался наркоман, она не спала, что ее и спасло. А шаги эти остались у нее в памяти от умершего сторожа, который всегда в это время делал обход. Жуть какая-то! Но зрители были уверены, что все так и случилось на самом деле. Хотя играют у нас в основном не профессиональные актеры, а осветители, администраторы или ассистенты режиссера.

— Сколько они получают за съемку?

— Сто рублей.

— Но у них неплохо получается.

— Они играют достоверно, не по-киношному. По истечении двух лет я могу судить — образовался некий круг зрителей, которые не лягут спать, пока не посмотрят «Поздний ужин».

— Ваша вторая программа — «Особая папка» — о советском периоде в нашей политжизни. Но об этом времени все уже сказано. Неужели сейчас это кому-нибудь интересно?

— С помощью архивов я говорю о сегодняшнем дне. Но вы

правы, для молодых эта история как бы не существует. Но на самом деле ничего еще не сказано и ничего не раскрыто. Я получаю немецкую прессу. Там в каждом еженедельнике есть рецензия на две книги, посвященные нацистскому периоду. В Германии открыты все архивы до последнего листочка. С 45-го года идет непрерывная публикация документов. И немцы считают, что еще не во всем разобрались. У нас же только чуть приоткрыли шелку, и тут же ее закрыли.

— Как вам удастся находить эти архивные документы?

— Дверка и передо мной захлопнулась, но есть еще живые люди, участники процесса. Жив председатель КГБ Семичастный, первый секретарь горкома Егорычев, который недавно мне рассказал ужасную историю о самостреле во время войны.

— Что за история?

— В пехоте воевал уникальный мастер, который делал мундштуки из гильз. Один раз гильза взорвалась, и ему оторвало два пальца. За это его решили показательно расстрелять перед строем. Поставили цепочку. «Огоны!» — и только одна пуля его задела. Никто не хотел в него целиться. Еще залп — он опять жив. Тогда командир дивизии подошел и выстрелил ему в голову.

— Почему ваши сюжеты часто посвящены КГБ? Вы были связаны с органами?

— Нет, я просто писал о разведке как детективщик. Мне всегда это было интересно.

— Но чтобы писать о разведке, нужно об этом знать, то есть как-то сотрудничать с этой структурой.

— Когда вышла моя первая повесть, мне было 23 года. Ее сразу же перевели в Японии, были огромные тиражи. Так что я только писатель.

— Но чекисты могли обвинить вас в дилетантстве.

— Конечно же, я изучал эту систему. Много читал. Но когда в 88-м году познакомился с одним делом, то понял, что мои представления о разведке были наивными. Я получил материал о двух выдающихся разведчиках — белом генерале Скоблине и его жене, выдающейся певице Надежде Васильевне Плевичко. То, что я тогда понял, — чудовищно. Это были несчастья. А то, о чем я пишу, — всего лишь игра, развлечение. В жизни настоящая разведка — это черт знает что. Сколько людей доносили — ведь за это деньги платили. Строчили что угодно. Просто волосы дыбом. А вот Дзержинский, к примеру, открылся мне с совершенно другой стороны. После гражданской войны он в основном занимался экономикой и был абсолютным рыночником и monetаристом. Если почитать его работы, то станет ясно, что с нашими коммунистами он никогда бы не сел за один стол.

— Сейчас при новом руководстве ТВЦ «Особую папку» могут пристегнуть к борьбе за «Отечество»?

— Невозможно, чтобы все программы в этом участвовали. «Особая папка» не годится для этого. Вместе с тем разумный человек всегда поймет, что я хочу сказать. Я делал передачу о Слободане Милошевиче, который разрушил Югославию, предал сербов в Краине, Боснии, Косове. Ну какой вывод можно из этого сделать?

— А возможен мягкий переход программы от работы с архивами к выпечке компроматов на сегодняшних политиков?

— Я очень щепетильно отношусь к компроматам. Я воспитан в советской школе журналистики. Нас тогда заставляли врать по-крупному, но учили не ошибаться по мелочам: даты, названия, должности, факты — здесь журналисты отвечали головой. Этот урок я усвоил навсегда, поэтому к фактам отношусь свято.

Александр МЕЛЬМАН.

Моя копия - 1999

9 сент - а 10